

Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies, ed. L. R. Palmer, J. Chadwick, Cambr., 1966, 310 стр.

В апреле 1965 г. в Кембридже состоялся Четвертый Международный конгресс микенологов, посвященный дальнейшему изучению культуры эгейского мира II тыс. до н. э. Доклады, которые были представлены на этом симпозиуме, касались самых разнообразных проблем в области эпиграфики, фонологии, морфологии и синтаксиса табличек Пилоса и Кносса, соотношения греческих диалектов с языковой структурой линейного письма В, интерпретации минойских текстов.

Сложность понимания надписей пилосского и кносского архивов, обусловленная в известной степени графическими принципами передачи языка, нередко требует уточнения смысла идеограмм, встречающихся в документах, что должно способствовать более полному толкованию наших табличек.

Две работы — «Обзор форм идеограмм» (Е. Беннетт) и «Таблички „Оливкового масла“ в Кноссе» (Дж. Чадвик) — специально посвящены исследованию знаков, применяемых для обозначения понятий «масло», «вино», «человек».

Типичной формой идеограммы *131 «вино» может считаться, по мысли Беннетта, символ, находящийся в табличках РУ 17 и КН 840, 4: две горизонтальных, три вертикальных, ряд диагональных строк — вот основные элементы этой идеограммы. Между тем в надписях, которые содержат *131, форма знака обнаруживает известное разнообразие: две вертикальных линии, иное направление диагональных строк или полное отсутствие их (стр. 11).

Как же следует толковать графические варианты идеограммы? Вызвано ли изменение формы необходимостью передать новое значение? Сложность вопроса состоит еще в том, что не всегда возможно связать различие форм знака с индивидуальной манерой писца, например, когда графические варианты появляются в одном документе. В этой связи станет понятным предположение авторов «Documents»¹, что идеограмма *131 (b) — как бы половина нормального символа — введена не случайно, обозначая, быть может, особый сорт вина, тогда как Беннетт, давая краткий обзор надписей, где встречается *131 (стр. 12—14), указывает, что пока нет достаточных оснований видеть в различном количестве строк (вертикальных, горизонтальных, диагональных) иной смысл, чем тот, что содержится в представлении о знаке *131 «вино». Обращаясь к рассмотрению дру-

гих идеограмм, в частности символа *130 oleum (масло), мы наблюдаем сходную ситуацию: ординарная форма знака (например КН 363) имеет в ряде табличек различные очертания — варианты идеограммы. В пилосских документах символу *130 иногда сопутствует WE — wegere «для умащения»², тогда как в Кноссе не найдено специального знака, который бы писался рядом с идеограммой *130. Правда, в своей статье (стр. 26) Дж. Чадвик высказал мысль, что символ, появляющийся в серии Fp (Кносс), напоминает по своей форме лигатуру WE и знака oleum, известных из табличек Пилоса (Fp 1184) и Микен (Fo 101). Эквивалентен ли этот символ (тип «е» в обозначении Чадвика) знаку надписей Fp 1184 и Fo 101? Беннетт вообще сомневается, что «е» (по Чадвику) следует рассматривать как oleum + we, видя в идеограмме лишь искусно написанный вариант, имеющий S-образную форму нормального знака (стр. 17). Символ «е» применяется кносскими писцами лишь в табличках серии Fp, и различие между другим типом знака (например «а» по Чадвику) и знаком «е», говорит ученый, не имеет большого значения: в Fp 48, где находится в первой линии «е», во 2 строке нет никакой идеограммы, знак «а» стоит в строке 3; в надписи Fp 14 символ oleum вообще не употребляется. С другой стороны, замечает исследователь, применение двух форм одним писцом в той же самой табличке наводит на мысль, что различие в значении символов не совсем иллюзорно: не обозначает ли «е» более широкую категорию, в которую входит тип «а»?

В пользу функционального сближения идеограммы «е» кносских надписей с oleum + we (agere) Пилоса служит, по мнению Чадвика (стр. 28), то обстоятельство, что серия Fp, где встречается тип «е», подобно пилосской серии Fp, посвящена распределению масла разным божествам, поэтому естественно было бы ожидать аналогичное указание писцов: oleum + we (agere) — «масло для умащения».

Возвращаясь к мысли Беннетта — «е» лишь графический вариант стандартной идеограммы, — следует заметить, что остается некоторая неясность, почему скриптор в одном документе применяет хорошо обработанную перевернутую S-образную форму *130, если она не несет никакой смысловой нагрузки.

Сходное положение мы наблюдаем и при анализе символов *100, *101, *103 —

¹ M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambr., 1956, стр. 223.

² E. Bennett, The Olive Oil Tablets of Pylos: Texts of Inscriptions Found 1955, Suppl. a Minos, Salamanca, 1958.

VIR «мужчина, человек», когда рукой одного скриптора в одном и том же документе поставлены различные знаки. Ученые обычно стремились видеть в *403 идеограмму, смысл которой полностью не совпадал со смыслом двух других знаков (*100, *101) линейного письма В. Тщательные исследования Беннета позволили ему сделать вывод, что символы *101 и *103 лишь формальные и потому не имеющие смысловозначительной функции варианты идеограммы *100 (стр. 19). Наиболее убедительным аргументом в пользу идентификации знаков являются данные текстов, приведенные Беннеттом (стр. 20).

KN 1516		KN 1517		
panarejo	*100 1	panarejo	1	KN 805 kere *103
kere	*100 1	rizo	1	KN 800 rizo *103
		Toso	*103 17	
panarejo	1 чел.	panarejo	1 (чел.)	kere 1 чел.
kere	1 чел.	rizo	1 (чел.)	rizo 1 чел.

Следующий аргумент Беннета основан на распределении знаков *100, *101, *103 в надписях Микен, Пилоса и Кносса и, как говорит сам автор, несмотря на свою шаткость все же не может не приниматься в расчет (стр. 21).

В Микенах обнаружены две или три формы *100 и ни одной *103, в Пилосе встречаются 13 форм *100 и только один пример знака *103, тогда как в Кноссе мы находим лишь два варианта *100, один вариант *101, зато 12 примеров знака *103. Однако есть серьезное препятствие, пишет ученый, для упразднения идеограммы *103 и ее унификации со знаком *100: в KN 1517 на другой стороне таблички в первой линии записано *zamijo* *100 9. Использование двух разных символов (или вариантов одного знака) одним писцом в одном документе наводит на мысль, что отличие в форме знака существенно для передачи содержания надписи.

Хотя возникшая ситуация не позволяет однозначно решить вопрос о смысловом тождестве идеограмм, тем не менее замечания Беннета кажутся нам достаточно убедительными, — возможно, знаки *101, *103 могут считаться графическими вариантами *100.

В самом деле, тот факт, что в надписях сходного содержания идеограммы заменяют друг друга, скорее говорит в пользу их смыслового тождества, чем различия:

*100 — отсутствует идеограмма (panarejo — KN 1516, 1517)

*100—103 (kere — KN 1516, 805)

*103 — отсутствует идеограмма (rizo — KN 800, 1517).

Создается впечатление, что писцы свободно использовали (или не использовали) эти знаки. Трудно предполо-

жить, что информация о столь важном объекте, каким является человек, была сосредоточена лишь в идеограммах, нередко опускаемых в документе (ср. пропуск *130 — oleum, KN 1517). Между тем практика ведения отчетности в архивах Пилоса и Кносса показывает, что точность сообщений достигалась многочисленными силлабограммами, стоящими рядом с символом, как в серии Fg, или pa, ki, в кносских табличках, относящихся к переписи скота и т. д. Ситуация, которую мы наблюдаем при анализе идеограмм, не дает четких критериев для однозначного ответа на вопрос, с чем связано появление графических вариан-

тов знака в одном и том же документе, поэтому выводы Беннета кажутся нам удачным соглашением, вызванным практической невозможностью найти иной выход: если даже графические варианты обладают неким особым смыслом, то этот смысл остается недоступным для нас и совершенно не отражается на толковании документов.

Большое внимание на симпозиуме привлекли вопросы соотношения диалектов послемикенского периода с языковой структурой текстов линейного письма В; этой теме специально были посвящены доклады А. Бартонека «Микенское койнэ» и Е. Риппа «Диалектные различия в микенском». Как известно, удивительное однообразие документов, найденных на территории Микен, Пилоса и Кносса, привело к созданию гипотезы о так называемом микенском койнэ, впервые четко сформулированной Вл. Георгиевым³. Койнэ имеет смешанный характер и состоит из двух греческих диалектов — из прото-ионийского и прото-аркадокипрского (эолийская группа).

³ V. Georgiev, La *κοινή* mycénienne, «Études Mycéniennes: Actes du colloque international sur les textes mycéniens», Gif-sur-Yvette, 1956; В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 69; он же, Mycenaean among the Other Greek Dialects, Mycenaean Studies, Proceeding of the Third International Colloquium for Mycenaean Studies, ed E. Bennett, Madison, 1964; он же, Mycénien et homérique: le problème du digamma, Proceedings of the Cambridge colloquium on Mycenaean studies, ed. L. Palmer, J. Chadurek, Cambr., 1966, стр. 104 слл.

Представление о микенском как о своем роде койнэ, развитое в работах Георгиева, — говорит Бартошек, — кажется весьма близким к истине, однако критическое отношение вызывает та часть теории, где формулируется идея о его смешанном характере.

Между тем необходимо принимать во внимание, что лингвистическая структура, называемая койнэ или, в современной терминологии, «междialeктный общий язык», определяется не смешением значительного числа различных элементов, но степенью их интеграции, играя роль сверхдиалекта, функционирующего более чем в одной диалектной общности. Неисключена возможность, что койнэ создано на основе только одного диалекта, как это произошло в классический период; весьма вероятно, что диалект, который лег в основу микенского койнэ, генетически ближе всего стоит к диалектам аркадо-кипрской группы (стр. 102).

Вслед за Е. Ришем Бартошек полагает, что микенский, по-видимому, мог и не иметь прямого продолжения в I тысячелетии, исчезнув вместе с гибелью самих центров минойской культуры; в таком случае мы обязаны были бы допустить сосуществование наряду с языком линейного письма B местных диалектов, прямое продолжение которых можно видеть в недорийских диалектах I тыс. до н. э. (стр. 101, 103).

Вопрос о соотношении основного диалекта к индивидуальной диалектной базе писцов тщательно исследуется в статье Е. Риша, на некоторых аспектах работы которого мы остановимся более подробно.

Выделяя три лингвистических феномена, автор руководствуется мыслью, что можно проследить зависимость их появления в тексте от индивидуальной манеры писцов, когда различные скрипторы отдают предпочтение тому или иному звуку (стр. 150 слл.).

1. Колебание между e/i в дат. падеже ед. числа атематического склонения — *pose-daone* — *pose-daoni*. В минойских документах наряду с регулярным окончанием *dat. sing.* на *i* встречаются формы, имеющие в этом падеже оконч. *e*; *ko-re-teri* — *On 300*, *On 1074* (таблички написаны одной и той же рукой, класс II/III); *du-mati* — *On 300*, наряду с *poro-duma-te* — *Fp 50*. В Микенах формы на *i* столь же распространены, как и на *e*; интересно отметить, что оба окончания встречаются в надписях, принадлежащих руке одного и того же скриптора, правда, интерпретация этих текстов на синтаксическом уровне довольно неопределенна (стр. 152): *iteweridi*, *kakewi* — *Oe 121* (рука 56) *pikodake* — *Oe 128*, *pe-re-kewe* — *Oe 130*, *ka-napewe* — *Oe 129* (рука 56); *pu-rewe* — *Go 610*; *kaesewe* — *Ge 602* (рука 57) (стр. 152, 1).

2. Колебание между a/o в формах типа *remo* — *rema*. В микенском, как и в диалектах эолийской и аркадо-кипрской групп, обычно *r* соответствует го или *or*, например, *τράπεζα* — *τράπεζα*. С другой стороны, индоевр. *ṛ* проявляется как *a*, точно так же как в греческих диалектах классического времени, например, *ka-gaari*: индоевр. **kṛsn̄bh̄is* (ср. гомеровское *καρήατος* и *κράατος* от *κάρη* — голова). Для *ṛ*, которое в аркадо-кипрском и эолийском диалектах проявляется в форме *o* (например, арк. *ἡεκατόβη*, лещ. *ἔκοτον*, лит. *šim̄tas*, индоевр. **kṛntóm*) в микенском находится мало примеров; в настоящий момент можно вполне допустить мысль, что *a* — нормальная черта для языка табличек: *a2tero* — *ἀτερος* (< **snteros*), *dakoro* — *δακώρος* (< **dm̄*). Однако существует ряд случаев, — пишет Риш (стр. 52), когда вместо *a* мы встречаемся с формой на *o*, чаще всего этому звуку предшествует лабиальный согласный; например, *anowoto*, *ariqota*. Интересный пример чередования *a/o* наблюдается в слове *agerazoo/agerozoo* — *ἀλειφάζωρος*; первая форма засвидетельствована в *Un 267* и, вероятно, в *Un 249,1* (класс I), вторая — в табличках *Ea 812,820* (рука 43), *Fg 374* (рука 21?): здесь также гласному звуку предшествует звук лабиальный, хотя в основном слове стоит только *a* — *agerate*, *A + RE + PA*. 3. Колебание между e/i в формах типа *temitija/timitija*, вызвано, несомненно, соседством лабиального согласного (стр. 153).

Таким образом, Риш считает, что на основе этих признаков можно выявить две главные группы, различия между которыми носят диалектный характер (стр. 156). Дательный падеж на *i*, форма *rema*, *temitija*, свойственные лишь для табличек, принадлежащих работе нескольких писцов, образуют так называемый «микенский особый» (*mysénien special*) или то, что представляет собой индивидуальную основу писцов, по терминологии Бартошека. Дательный на *e*, формы *remo*, *timitija*, встречающиеся в большем числе надписей, характеризуют «микенский нормальный» (*mysénien normal*) — «основной диалект, лежащий в основу микенского койнэ», по терминологии Бартошека.

Микенский особый соответствует немикенскому нормальному, но находит скорее всего продолжение в греческих диалектах классического периода, тогда как микенский нормальный, вероятно, исчез, не оставив следа, из говорящего по-гречески мира (стр. 157).

Идея существования двух типов микенского, бесспорно, представляет значительный интерес, однако мы вправе задать вопрос, всегда ли связано колебание звуков e/i с диалектными различиями. Тот факт, что одна и та же рука

пишет *i* и *e*, показывает, что это противопоставление, вероятно, было вызвано иными (недialeктными) причинами, — говорит А. Мордурго Дэвис⁴.

Первый писец: *timito akei* (An 661,10); *eratei* (Sn 608,9); *potijakee* (An 298,2); *qeremee* (Na 540). Второй писец: *arekee* (In 431,16), *erei* (In 829,19).

Не могут ли рассматриваться с этой же точки зрения и примеры, взятые Рипшем из микенских табличек, где колебание между *e/i* наблюдается в документах, составленных одним и тем же скриптором? Как бы ни была решена эта проблема в

⁴ А. Мордурго Дэвис, *An Instrumental-Ablative in Mucenaeae. Proceedings of the Cambridge Colloquium...*, стр. 199. См. С. Я. Лурье, *Язык и культура Микенской Греции*, М.—Л., 1957, стр. 133.

дальнейшем, но в настоящий момент надежность критериев, при помощи которых выявляются типы микенского — нормального и особого — вызывает определенные сомнения; на наш взгляд, совокупность этих признаков (*e — o — i / i — a — e*), разграничивающих две большие языковые группы, не образует достаточно строгую систему.

Мы не будем касаться здесь статей, посвященных земельным отношениям в Пилосе (М. Лежена, Д. Джонза, отчасти Л. Палмера) и организации скотоводства по данным надписей Sn (М. Лэнг), надеясь в дальнейшем рассмотреть их вместе с другими исследованиями, непосредственно посвященными этим проблемам.

Г. Ф. Полякова

R. BOGAERT, Les origines antiques de la banque de dépôt. Une mise au point accompagnée d'une esquisse des opérations de banque en Mésopotamie, Leyde, 1966, 185 стр.

Рецензируемая книга, посвященная важной проблеме происхождения банковских вкладов, является первым обобщающим исследованием о банковских операциях в древности. К книге приложен большой список литературы по экономической истории древней Передней Азии, Греции и Рима. Автор книги Раймонд Богерт — голландский ученый, опубликовавший ряд работ по истории кредита в древней Греции. Однако он не является специалистом по клинописи, и поэтому основная часть его книги (банковские операции в Месопотамии с конца III до середины I тысячелетия до н. э. — стр. 41—129) основана только на переведенных и интерпретированных специалистами документах. Указывая на то, что до сих пор переведена сравнительно небольшая часть изданных клинописных документов, автор считает свою работу предварительной (стр. 24). По его словам, книга ничего нового не даст ассириологам и рассчитана на лиц, интересующихся историей банков.

Однако нам представляется, что рецензируемая книга принесет пользу и ассириологам, так как сводных работ, основанных на современной литературе, в этой области пока очень мало, а необходимый клинописный материал на различных языках, охватывающий время около трех тысячелетий, доступен лишь немногим ученым, которые главным образом занимаются лингвистическими проблемами. Кроме того, некоторые разделы книги (например, о роли греческих тра-

пезитов в изобретении операций банковских вкладов) посвящены мало исследованным до сих пор вопросам. Поэтому нам представляется целесообразным изложить вкратце основные выводы, к которым пришел Р. Богерт в своей книге.

Древнейшие сведения о банковских операциях содержатся в шумерских и аккадских юридических документах. Эти операции практиковались храмами, царским дворцом и частными лицами. С глубокой древности богатства общины (вотивные предметы, священные вазы и т. д.) хранились в храмах, которые были единственными прочными и охраняемыми зданиями, внушавшими доверие и почтение. Как видно из документов архива в городе-государстве Лагаш, в шумерские храмы вкладывались излишки (главным образом, зерна и других продуктов) общины и частных лиц, среди которых многие являлись храмовыми чиновниками.

В Законах Хаммурапи и Эшнуны говорится о хранении вкладов во время войн и других бедствий. Согласно § 121 Законов Хаммурапи, за хранение вкладов зерна в частных амбарах надо было платить $1\frac{2}{3}\%$ всего вклада¹. В касситский период храм являлся хранителем регулярных вкладов зерна, которое в отличие от предыдущей и последующей эпох

¹ Ср. также §§ 120—125, которые свидетельствуют о хранении зерна, серебра, золота и других вещей в частных хранилищах.